

ТРУБНИКОВА Наталья Валерьевна / Natalia V. TRUBNIKOVA

*Россия, Томск.
Томский политехнический университет. Гуманитарный факультет. Заведующая кафедрой.
Доктор исторических наук, доцент.*

*Russia, Tomsk.
Tomsk polytechnic university. Humanitarian faculty. Head of the Department.
PhD in history, senior lecturer.*

troub@mail.ru

НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ: СПОСОБ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ИЛИ «ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ»?

Анализируется тематическая область и способы применения в научном и политическом дискурсе понятия «идентичности». В логике исследования «социального конструктивизма» ключевое значение отводится социо-культурным и политическим факторам, формирующим общественное сознание и во многом определяющим идейные и ценностные ориентации современного мира. В логике политической особую значимость приобретает проблема столкновения идентичностей. Выражая идею принадлежности определенных индивидов или групп определенным территориям, идентичность объединяет, не проговаривая, слишком много параметров описания.

Основная сложность его использования связана с неоднозначным смыслом. Возникнув как конструкт научного дискурса, «идентичность» переключалась в политический контекст, используемая этническими и религиозными группировками как средство самоутверждения. Это «фиксированное» понятие свойственно и научной литературе, посвященной описанию сложных политических процессов, где оно используется для выражения идей полов, расы, этнической принадлежности, национализма, часто производя эффект реификации. Чтобы отгородиться от непроявленных использований и отразить тот факт, что идентичности всегда есть продукт, укорененный исторически и социально, многие авторы стремятся вписать «идентичности» в исторический процесс, используя в заголовках своих работ такие выражения, как «политика памяти», «конструкция идентичностей», «фабрика мест», «территории идентичностей», «изобретение традиций».

Современные дискуссии вокруг понятия «идентичности» стремятся преодолеть слишком схематичные «решетки прочтения» в исследованиях, посвященных проблемам идентичности, и выработать более тонкие инструменты анализа, способные

улавливать процессы усвоения и трансформации идентифицирующих признаков внутри социальных групп.

Ключевые слова: *Идентичность, социальный конструктивизм, реификация категорий, дискурс, культура, историческая память, нация, регионализм, кросс-культурная коммуникация.*

Scientific and political discourses of identity: the path of self-determination or "invention of traditions"?

The author analyzes the main theme and ways of applying the concept of 'identity' in scientific and political discourse. In researching the logic of 'social constructivism' the key emphasis is on the social, cultural and political factors that form public consciousness and in many respects define the ideological and value orientations of the modern world. In political logic, the problem of the conflict of identities has special importance. In expressing the attachment of certain individuals or groups to certain territories, identity as an analytic category implicitly collapses to many descriptive parameters. The principal complexity is connected with a sense of ambiguity. Having arisen as a construction of scholarly discourse, 'identity' has shifted to a political context, where it is used by ethnic and religious groups as a means of self-affirmation. This 'fixed' concept is peculiar also to scholarly literature devoted to the description of complicated political processes where it is expressed in ideas of gender, race, ethnicity, and nationalism, and often reifying the phenomenon in question. Without realizing the fact that identity is always a prod-

[Научный и политический дискурсы идентичности: способ самоопределения или «изобретение традиций»]

uct implanted historically and socially, many authors try to insert 'identity' into the historical process, titling their articles 'the politics of memory', 'identity construction', 'factory of places', 'identity territories', and 'the invention of traditions'. Modern discussions around the concept of 'identity' aspire to overcome schematic 'perusal lattices' in research devoted to problems of identity, and to develop

more sophisticated tools of analysis that would be able to capture the processes of mastering and transforming signs in social groups.

Key words: *identity, social constructivism, reification of categories, discourse, culture, cultural science, historical memory, nation, regionalism, cross-country-cultural communications.*

В современных гуманитарных штудиях и публицистике, посвященных поразительно разнообразному кругу тем, которые характеризуют современное общество, стержень изложения часто формируется на основе понятия идентичности и отражает подчас противоположные исследовательские алгоритмы. В социологической, конструктивистской логике исследования ключевое значение отводится социо-культурным и политическим факторам, формирующим общественное сознание и во многом определяющим идейные и ценностные ориентации современного мира. В логике политической особую значимость приобретает проблема столкновения идентичностей, вызванная, в частности, усилением миграционных процессов и образованием в целом ряде стран иноэтничных анклавов, культивирующих свой особый тип самосознания и замедляющих процессы интеграции в культуру «титულიной» нации.

Не отрицая определенный эвристический ресурс понятия идентичности, стоит отметить, что последние два десятилетия оно вызывает все больше критики, приходящей с различных горизонтов гуманитарного знания. Суть ее может быть сведена к тому, что данная дефиниция всегда используется, чтобы выразить идею принадлежности индивидов или групп определенным территориям. Но, объединяя слишком много параметров описания одновременно, и, тем самым, лишая исследователя более «тонких» средств изучения феномена, «идентичность» порождает, наряду с другими слишком абстрактными и часто используемыми понятиями, проблему реификации категорий.

Основная сложность в использовании понятия «идентичности» связана с его неоднозначным смыслом.

Согласно Р. Брубакеру¹, оно появилось в США в 1960-х гг., главным образом, на основе сочинения «Социальное конструирование реальности» П. Бергера и Т. Лукмана (1966) и работ И. Гофмана (1963). Возникнув как конструкт научного дискурса, «идентичность» стремительно перекочевала в политический контекст, используемая этническими и религиозными группировками как средство самоутверждения (например, движение

черных американцев «Черные пантеры»). В политическом дискурсе идентичность представляет собой уже не отвлеченное понятие, а нерасторжимый, необратимый феномен реальности. Существовая как бы «изначально», идентичность предшествует созданию этнической группировки в полиэтничном (или иноэтничном) социуме, к тому же часто используется как объект и символ политической пропаганды.

Это «фиксированное» понятие свойственно и научной литературе, посвященной описанию сложных политических процессов, где оно используется для выражения идей полов, расы, этнической принадлежности, национализма, часто производя упомянутый выше эффект реификации. Р. Брубакер отмечает многоликость термина, который может выражать и «плохой буквализм» политических акторов, а также части политически и аксиологически ангажированных исследователей, против «хорошего конструктивизма» строгих ученых.

«Идентичность» как базовый элемент политического и частично научного дискурса внедряется и в язык региональных европейских движений, утверждающих представление о своей локальной культуре как аутентичной, древней, более «настоящей», чем «искусственная» национальная культура. Против такого использования понятия активно выступал П. Бурдьё, пытавшийся вернуть идентичности изначальный конструктивистский смысл: определение границ социальной группы есть всегда результат битвы за власть, а значит, идентитарные рамки «изобретаются» социальным институтом, победившим конкурентов². По Бурдьё, любые идентичности могут пониматься только сквозь призму борьбы за власть, цель которой — через контроль языка, который тем более влиятелен, чем выше позиция власти говорящего, — право определять и контролировать границы социальных групп³.

В начале 1980-х гг. бурдьерианцы вновь вернули слово «идентичность» научному дискурсу, более или менее

¹ Brubaker R. Au-delà de l'identité // Actes de la recherche en sciences sociales. — 2001. — № 139. — p. 66–85.

² Бурдьё П. Практический смысл. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. — 562 с.

³ Boudrieu P. L'identité et la représentation. Éléments pour une réflexion critique sur l'idée de région // Actes de la recherche en sciences sociales. — 1980. — № 35. — p. 63–72.

вдохновенному социологией социального конструктивизма, частично вытеснив из исследований старое понятие культуры. Последнее расценивалось как утратившее от многообразных и длительных коннотаций свой исследовательский потенциал.

Спустя двадцать лет к рубежу XXI в. аналогичная судьба настигает термин «идентичность», ставший основой слишком многих работ о нациях и регионах. Моделью подобных изысканий, о чем ясно свидетельствуют например, работы французских историков и социологов, является исследование идентичностей как вневременных реальностей, которые могут быть постигнуты через стратегии акторов — их носителей, через анализ производства дискурсов о регионе и нации, с обязательной демонстрацией историчности моделей культурной конструкции нации, датируемых XIX в., и производимых, главным образом, образованными сословиями¹.

Однако даже в научной литературе «идентичность» не обладала в интерпретациях различных исследователей необходимой терминологической ясностью. Так, если К. Леви-Строс писал, что идентичность — «это тип виртуального очага, на который должно ссылаться, чтобы объяснить некоторые вещи, не имеющие реального существования», то его оппонент Ф. Бродель называет свою последнюю книгу «Идентичность Франции»², пытаясь объять этим словом самые устойчивые, сущностные черты генезиса и эволюции своей страны и нации.

В издательской серии «Придавая смысл истории», выпускаемой в США с 2002 г. под общей редакцией Й. Рюсена и ряда других исследователей, по замыслу создателей, должно было быть положено начало особой формы культурологических исследований. В ней термин «культура» освобождается от политологических, экономических и иных наслоений, а проблема «культурных различий» рассматривается в широкой исторической перспективе, открывающей возможности для межкультурной коммуникации. Исследование проблемы формирования идентичности — ключевая тема серии, речь здесь идет о коллективной культурной идентичности и

ее взаимосвязях с историческими трансформациями народов. По мысли Рюсена, идентичность проявляет себя в темпоральной перспективе, и потому именно историческая память и историческое сознание являются основным средством кросскультурной коммуникации. Концепция данной серии представляет собой максимально обобщенное и «расширительное» толкование идентичности, одновременно свидетельствуя о том, что познавательные возможности самого понятия еще не исчерпаны и могут стать основой амбициозного научного проекта³.

В целом, понятие остается слишком неясным и ассоциативным. Дабы отгородиться от непроясненных использований и отразить тот факт, что идентичности всегда есть продукт, укорененный исторически и социально, многие авторы стремятся вписать «идентичности» в исторический процесс, используя в заголовках своих работ такие выражения, как «политика памяти», «конструкция идентичностей», «фабрика мест», «территории идентичностей», «изобретение традиций».

Говоря об «изобретении традиций» или «конструкции идентичностей», исследователи сводят вместе два оппозиционных режима: с одной стороны, — незыблемое, спонтанное, интимное, почти сакральное пространство идентичности, памяти или традиции, — и с другой, — конструкцию, изобретение, политику, фабрику, то есть конструктивистские формулы, отражающие идею «изобретения» или «внедрения», порождая своего рода терминологический шок. Объяснение в исследовании, что чья-то идентичность сконструирована или является результатом стратегии, означает сильный риск быть заподозренным в обмане, поскольку при этом сами акторы-носители идентичности воспринимают ее как естественную.

Этот момент четко виден в колониальных и постколониальных контекстах, когда приверженцы «изобретения традиции» или «конструкции идентичностей» часто обвиняются в попытке расширить доминирование белых колонизаторов и подорвать культурную легитимность местных элит. В целом ряде регионов антиколониальная борьба и постколониальное устройство основывалось на местных традициях, возведенных в статус сакральной и неделимой сути народной мудрости.

Политический риск анализа в терминах «конструкции идентичностей» состоит в том, что поскольку все «социально конструируемо», нет ничего сущностного, неизбежного, и все может быть подвергнуто деконструкции и ревизии. Понятие социальной конструкции

¹ Thiesse A.-M. *Écrire la France: le mouvement littéraire de langue française entre la Belle Époque et la Libération*. — Paris: Puf, 1991. — 314 p.; Thiesse A.-M. *Ils apprenaient la France: l'exaltation des régions dans le discours patriotique*. — Paris: MSH, 1997. — 130 p.; Bertho-Lavenir C. *L'invention de la Bretagne. Genèse sociale d'un stéréotype // Actes de la recherche en sciences sociales*. — 1980. — № 35. — p. 45–62; Martel P. *Le Félibrige // Nora P. (dir.) Les Lieux de Mémoires. T.3, vol. 2*. — Paris: Gallimard, 1992. P. 567–611; Guillet F. *Naissance de la Normandie (1750–1850). Genèse et épanouissement d'une image régionale // Terrain*. — 1999. — № 33. — p. 145–156.

² Цит. по: Avanza M., Laferté G. *Dépasser la « construction des identités »? Identification, image sociale, appartenance // Genèses. Sciences Sociales et histoire*. — 2005. — № 61. — p. 134–152. P. 139.

³ Braudel F. *L'Identité de France. Les hommes et les choses*. — Paris: Arthaud, 1986. — 302 p. Рус. перевод: Бродель Ф. *Что такое Франция? Люди и вещи*. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. — 244 с.

[Научный и политический дискурсы идентичности: способ самоопределения или «изобретение традиций»]

становится, таким образом, «ироническим» орудием разоблачения, или отрицания реальности нежелательных социальных объектов¹.

Политические трудности удваиваются трудностями аналитическими. Большинство исследований, которые сегодня говорят о «конструкции идентичностей», ограничиваются анализом дискурса. Это типичный случай исследований регионализма во Франции. Если в историографии 1970-х гг. присутствовали исследования «региональных ментальностей» и разнообразной локальной специфики, то в 1980-х гг. работы фокусируются в основном на записках эрудитов, писателей, исследованиях фольклористов, в попытке воссоздать пространство регионального воображаемого. Эти работы основывались на понятиях образа, репрезентации, стереотипа и очень осторожно использовали словарь идентичности. Однако их авторы постулировали «изобретение Бретани» или «рождение Нормандии», не задаваясь вопросом, как эти дискурсивные образования усваивались различными социальными группами. С течением времени, «это поле исследований обильно использовало словарь идентичности, тогда как речь, в сущности, шла о репрезентациях»². Перенимая эту модель, достаточно анализировать категориальную систему местной администрации, провинциальных историков и географов, туристических гидов, чтобы постигнуть, например, «идентичности местности Турена с XVI по XX вв.»³

Употребление слова «идентичность», которое обозначает одновременно и конструкцию дискурса, чаще всего произведенную элитами, и индивидуальное самозаключение, слишком часто приводит к тому, что исследователь принимает дискурсы руководящих институтов за практики идентифицируемых. Таким образом, понятие идентичности, располагая к изучению дискурса, позволяет «экономить» на исследовании практик усвоения, восприятия дискурсов и репрезентаций.

Соответственно, ряд исследователей, например, А.-М. Тьесс⁴ и Ж.-Ф. Шане⁵ анализируют процесс ус-

воения административного дискурса о региональной идентичности через изучение педагогики, школьные учебники, социологию институтских деятелей. Они показывают, что дискурсы о «региональной идентичности» не всегда удавалось успешно ассимилировать в среде предполагаемых «бретонцев» или «нормандцев», а руководящие институты занимались их распространением и культивированием.

В работах о конструкции идентичностей исследователь слишком часто довольствуется дискурсами, в подавление пространства жизни акторов, не утруждая себя объяснениями социальных трансформаций. Исследовательской задачей является изучение того, каким образом понятия нации, региона, или этноса, рассматриваемые как сконструированные идентичности, смогли утвердиться в качестве принципа самоопределения для группы индивидов.

Ведь, как подчеркивает Р. Брубакер, если идентичность текуча, конструирована и множественна, как же объяснить власть и пафос «политики самоопределения»? Почему нельзя везде и быстро изобрести регион, нацию или этнос? Почему, в частности, постоянное провозглашение европейской идентичности — тренд европейской интеграции — оставляет всегда определенное себя как европейца таким хрупким у самих «европейцев»?

Чтобы измерить возможности «конструирования» группы или территории и понять, почему некоторые «идентитарные дискурсы» приживаются, а другие нет, надо ввести исследования идентичности в контекст изучения динамики связанных с нею социальных и политических институтов. Очевидно, что идентитарный дискурс, вдохновляемый таким сильным институтом, как государство, через такие мощные средства внедрения, как школа, имеет больше шансов утвердиться в социальном, чем дискурс, вдохновляемый инициаторами, которые не могут рассчитывать на институциональную поддержку. Следуя традиции Бурдьё, необходимо учитывать социальную власть индивидов или групп, которые стоят у истоков идентитарных дискурсов.

Чтобы обойти сложности, порождаемые частым непроясненным употреблением понятия «идентичность», исследователи предлагают несколько путей. Самый легкий из них — оставить «идентичность» политическому (публичному) языку и вывести его из научного оборота.

Взамен исследователи предлагают термины идентификации, самосознания, социальной локализации, «социального образа», «принадлежности»⁶.

¹ Rüsen J. (ed.) *Western Historical Thinking. An Intercultural Debate.* — New York-Oxford: Berghahn Books, 2002. — 220 p.

² L'Estoile, de B. *Le goût de passé // Terrain.* — 2001. — № 37. — p. 123–138; Thiesse A.-M. *La creation des identités nationales. Europe, XVIIIe-Xxe siècles.* — Paris: Seuil, 1999. — 302 p.; Saada E. *Les territoires de l'identité. Être juif à Arbreville // Genèse.* — 1993. — № 11. — p. 111–136; Dimitrijevic D. (éd.) *Fabrication des traditions. Invention de modernité.* — Paris: MSH, 2004. — 332 p.

³ Hacking Y. *Entre science et réalité. La construction sociale de quoi ?* — Paris: La Découverte, 2001. — 298 p.

⁴ Avanza M., Laferté G. *Dépasser la « construction des identités »,* p. 138

⁵ Schweitz D. *Histoire des identités de pays en Touraine (XVIe-Xxe siècle). Aux origines de la France des Pays.* — Paris: L'Harmattan, 2001. — 463 p.

⁶ Thiesse A.-M. *Ils apprenaient la France: l'exaltation des régions...*

ТРУБНИКОВА Наталья Валерьевна / Natalia V. TRUBNIKOVA

[Научный и политический дискурсы идентичности: способ самоопределения или «изобретение традиций»]

Понятие «идентификация», заимствованное из работ Ж. Нуарьяеля¹, отражает идею процесса, а не состояния, «социальный образ» Ж.-К. Шамборедона² фиксирует лишь текущую репрезентацию определенной группы общества без претензий на обобщение, а понятие «принадлежности», взятое у Н. Ренаи³, закрепляет осознаваемый статус индивида в рамках социальной группы.

¹ Chanet J.-F. *L'école républicaine et les petites patries*. — Paris: Aubier, 1996. — 426 p.

² Brubaker R. *Au-delà de l'identité ...*

³ Noiriel G. *L'identification des personnes. Genèse d'un travail d'État*. Colloque international, 30 sept. — 1 oct. 2004. — Paris: Belin, 2006.

Таким образом, современные дискуссии вокруг понятия «идентичности» стремятся преодолеть слишком схематичные «решетки прочтения» в исследованиях, посвященных проблемам идентичности, и выработать более тонкие инструменты анализа, способные улавливать процессы усвоения и трансформации идентифицирующих признаков внутри социальных групп.

